

Н.И.Греч

ОБОЗРЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ в 1814 году¹.

Напечатано в «Сыне Отечества», 1815, т. 19 №№1-4

Приступая к обозрению произведений Русской Словесности 1814 года, считаю не излишним изложить в начале некоторые мысли о существе и важности Литературы в просвещенном государстве, о пособиях, которые она имеет в нашем отечестве, и об успехах ее в продолжение минувшего и нынешнего столетий.

Народы, или многочисленные семейства людей, имеющих одно происхождение, обитающих в одной земле, и говорящих одним языком, различаются между собою, как один человек отличается от другого. Каждое из сих семейств, подобно каждому человеку, имеет свой характер, свой образ чувствования и наблюдения, и особенные качества, которые отличают его от других, как бы впрочем ни было велико разнообразие нераздельных или людей, составляющих сии семейства. От сего характера и сих особенных умственных качеств народа, происходят его обычаи, мнения и вкус. Эти отличительные свойства всякого народа являются преимущественно в его Истории и Литературе, точно так, как характер человека является в его делах и мыслях. В общежитии, для узнавания свойств человека, должны мы приобрести понятие о его делах и мыслях, а в отношении к народам, должны сначала отвечать па вопросы: какие происшествя и подвиги ознаменовали его Историю? в каком состоянии находится его Литература? — и потом уже произнести мнение о его свойствах, добродетелях и недостатках.

История народа, без сомнения, важнее его Литературы: ибо всякой народ имеет Историю, а Литературу находим у одних наций просвещенных. Так и всякий человек известен *делами*, но *мыслями*, своими, незаимствованными отличается только человек образованный.

Народы, уподобляющиеся разнообразием характеров нераздельным частям своим, людям, и в жизни, и в цвете, в увядании и кончине, имеют с ними великое сходство. Молодой человек действует и чувствует прежде нежели мыслит: так и народ прежде возвещает о бытии своем делами и чувствованиями, нежели мыслями. Человек, образованный воспитанием, наученный опытом, приходя в зрелый возраст, излагает свои мысли; на закат же дней своих живет воспоминаниями и последствиями опытов, живет тем долее, чем рачительнее сберегал и образовал душевные и телесные свои способности. Юношествоующий народ быстро стремится по предлежащему ему поприщу; встречая препятствия, усугубляет силы и превозмогает преграды; приходя в зрелость, производит писателей, сначала поэтов, потом витий, историков и философов, утверждает бытие свое на незыблемом основании истинного народного богатства: благочестия, добродетелей и просвещения; благоденствует и творит счастье соседей своих, старается посреди новых, возрастающих поколений, заимствующих его просвещение и опытность, и преходит чреду свою в мире, оставляя на не-

¹ (*) Читано в торжественном собрании Императорской Публичной Библиотеки, 2-го января 1815 года.

лицеприятных скрижалях Истории память своих подвигов, заслуг и добродетелей. — Вот история всякого народа, истинно просвещенного, — но сколько народов до сего времени заслужили имя сие в точном смысле? — Одни, обремененные игом рабства, влачат все бытие свое для услуг сильнейшему, не знают ни подвигов, ни мыслей — и только в унылых элегиях поют свои горести и наслаждения природою, которых ни какая власть отнять не может! Эти народы не имеют собственной Истории и Литературы. Таковы природные жители Америки, таковы негры в колониях европейцев, и — страшно вымолвить! — таковыми стали ныне греки, учителя наши, старший из народов Европы — под игом иноверцев и варваров. — Другие народы ознаменовали начало бытия своего громкими подвигами, но, не утвержденные нравственностью и религией, на которых основываются истинная любовь к отечеству и истинное просвещение, исчезли с лица земли. Гунны, вандалы и все тмочисленные полчища, потрясшие юношескою силою своею ветхую Империю Римскую, пали от недостатка истинного внутреннего могущества: религии, нравственности, любви к отечеству и просвещения. Эти народы имеют Историю, но не знают Литературы: они подобны сильному, но не образованному, не обузданному человеку, который, не умея употреблять физических сил своих, падает под ударами слабейшего, но просвещенного наблюдением и опытом. — Другие народы, подобно древним Финикиянам и нынешним Голландцам, бедные, малочисленные, жившие на тесном, каменистом берегу, обогатились всеми сокровищами природы и искусства, ибо имели средства развить умственные свои собственности. Мы видим государства, которые, после долговременных периодов величия и силы, не утратив богатства своего, не быв стеснены границами, впали в бедность и бессилие, потому что обитатели их лишены были свободы мыслить, а с нею и способности действовать; видим другие земли, которые из слабых и бедных вознеслись на отличную степень силы и богатства, потому что сии оковы спали с их подданных; видим небольшие народы, которые противились и становились страшными сильнейшим государствам, даже покоряли их, потому что были единодушны в чувствованиях, мыслях и делах своих, и наконец видим многочисленные народы, сделавшиеся легкою добычею дерзкого завоевателя, потому что не имели единства в чувствованиях, мыслях, следственно и в делах. Еще есть народы, которые имеют блистательную Историю, обширную Литературу, но не могут и не должны служить образцами другим. Дела и мысли их не основаны на твердом камени Веры, правды и благоразумия: тщеславие и беспокойное стремление к новости ими управляют. История их есть непрерывный ряд борений и перемен. Литература их есть плод ума, а не сердца, плод ума быстрого, пронизательного, смелого, но холодного, вредного, не утвержденного на правилах нравственности и религии. Такой народ, подобно Алкивиаду между Афинянами, блестит некоторое время, как яркий метеор; потом впадает в расслабление телесное и душевное; притупляясь умом, не имеет средства вознаградить его чувством, и умирает, оставляя воспоминание о своих отличных качествах, и сожаление, что они в самом начал не были направлены к доброй цели.

Сии немногие примеры, извлеченные из наблюдений Истории, свидетельствуют, что народы сильны и велики не числом своим, не произведениями земли, а Верою, добродетелью и просвещением, единством чувствований и помышлений; что воспитание народное есть одна из священнейших обязанностей правительства; что оно дает народу истинное его достоинство, заменяет число, вознаграждает недостатки, обуздывает бурные порывы юношеской силы, и усугубляет его способности и средства, когда он начнет приближаться к старости. В чувствовании силы и крепости юных лет народ непросвещенный может совершить великие дела, но если сила и крепость сия не утверждены опытом и образованием, по приближении лет зрелых наступает слабость, тем более приметная и вредная, чем сильнее были порывы первых лет.

Русский народ подобен юноше, получившему в наследие от отцов своих начала всех добродетелей — Веру, верность и любовь к отечеству. Он заимствовал образование ума у иноплеменных наставников; скоро перенял полезное, и в полном чувстве силы своей, превзошел своих учителей *делами*: хитрости противопоставил правду, коварству верность, нечестию веру, и утвердил бытие свое навсегда. За напряжением сил следует усталость, в юношеских летах неприметная, скоропреходящая. Народ опять почувствует стремление к подвигам и трудам. Где найти ему удовлетворение? В делах мирных, в подвигах гражданских, в науках, художествах, словесности: в приготовлении запаса к тому времени, когда, не имея более силы юношеской, телесной, должен он будет превосходить других качествами ума и сердца! — Для этого должно наблюдать ход его Литературы, способствовать ее успехам, замечать встречающиеся ей препятствия, и отвращать их, усматривать уклонения народного образа мыслей с пути истины и добродетели, и стараться о направлении его вновь на сей путь, но без всякого принуждения и стеснения, которые производят действия, совершенно противные предполагаемым. Вот воспитание народное, вот истинные средства обеспечить бытие, целость и силу государства на столетия!

Великий Государь наш в полной мере чувствует истину сих наблюдений. Пожиная одною рукою лавры войны и славы, он насаждает другою древа, приносящие благодетельные плоды просвещения и нравственности. История явила Россиян народом великим, сильным, могущественным, горящим любовью к отечеству, и верою в Бога — Александр довершил начатое Петром и Екатериною. Литература наша также являет отличные способности народа. Попечениями Александра, она возвысилась и доказала, что Русские всеми качествами ума и сердца достойны занимать место на первой степени земных народов. Литература, утвержденная на началах истинной учености, просвещенная Верою, сравнится с Историею нашею.

Мы имеем все средства и пособия, для достижения сей важной цели.

Главное из сих средств есть язык наш, который, смело можно сказать, превосходит все новейшие европейские. — Язык эллинский превратился в наречие рабствующего народа. Языки племени латинского по большей части не знают стопосложения, окованы рифмами, стеснены единообразным ходом слов, и так удалены от своих источников, что не могут почерпать из них. Они образо-

вались при великих трудах, из простых, жестких и ныне невразумительных народных наречий. Языки германские, кроме скандинавских, равномерно носят признаки того, что были некогда под железным скипетром Рима: они долгое время стеснены были тяжелым, единообразным ходом слов, и слишком легко принимают слова иностранные. Эти языки также имеют грубые, народные наречия. — Языки поляков и богемцев, от смешения сих народов с племенами германскими и латинскими, и от принятия ими католической религии, лишились оригинальности, силы, богатства и благородства. Первый из них, сверх того, окован силлабическим стихосложением. В каком же величии является посреди всех сих языков — русский! Он состоит из чистого, правильного, богатого народного наречия, пользующегося всеми сокровищами древнего богослужебного языка, образовавшегося по греческому, но близкого к народному. Он составил из самого себя, без всякой чуждой примеси, обилён во всех грамматических формах, способен к подражанию древним метрам, выразителен, свободен в течении своем, благороден, важен, и в то же время нежен и приятен. В других языках должно избегать выражений и оборотов простонародных: у нас можно и должно их искать, ими пользоваться. Во многих землях выражения чуждого языка, введенного в богослужение, повторяются народом, его не понимающим, и потому не могут обогащать языка общеупотребительного: у нас язык богослужебный одними уже звуками внушает благоговение, ибо сии звуки, понятные для народа, возбуждают в нем мысли обо всем, что велико и священо! Если языки французский, английский и немецкий, доведенные до отличной степени совершенства, уступают русскому, в сравнении с ними бедному писателям и образцами, в каком расстоянии будут они находиться от него, когда отличные писатели придадут ему определенность, точность, ясность языков, образованных Литературою! Мы рассматриваем здесь язык русский единственно в виде *средства* к образованию нас Литературою, и повторяем, что он в этом отношении и теперь занимает первое место между всеми европейскими.

Сверх сего главного пособия к образованию народной Литературы, Россия представляет многие другие. Она обширна, могущественна и безопасна. Если, как некоторые думают, всякой климат имеет различное влияние на характер народа, следственно и на Литературу его, то Россия может произвести писателей и художников во всех родах. Предметы, представляемые испытателю истории и природы, землеописателю, стихотворцу, живописцу, беспредельною, так сказать, Россию, могут и должны возбудить внимание и соревнование Русских более нежели изыскания в странах чуждых. Могущество и безопасность государства также необходимы для процветания Литературы. Афины при Перикле, Рим при Августе, Франция при Людовике XIV были знамениты в одно и то же время успехами Литературы, политическим перевесом и воинскою славою. Истребление Испанской Армады подало знак к начатию Английской Словесности. Немецкая Литература процвела, когда Фридрих II Семилетнею Войною, утвердил безопасность и силу северной Германии. — Музы могут избрать благоденствующую Россию себе в жилище; они не устроятся грозными твердынями на ее границах: курганы, возносящиеся над костями наших врагов на Дону, вокруг

Троицкого Монастыря, при Полтаве, Бородине и на берегах Березины, ограждают ее лучше сильнейших крепостей.

Литературе нашей не угрожает раздробление на секты, как, например, в Германии, уклонение писателей с пути, начертанного рассудком и опытностью: она принадлежит русскому народу, исповедующему одну религию, живущему под скипетром одного Государя, говорящему одним языком. Она не может впасть и в противоположную крайность: единообразие, односторонность, принуждение и неестественность, свойственные Литературе французской, в которой один Париж предписывает законы языка и вкуса. У нас нет такого средоточия: у нас две точки, вокруг которых обращается Словесность — Петербург и Москва. Соревнование писателей двух столиц российских препятствует введению в Словесность нашу заблуждений, подражаний дурным примерам, и уклонению языка с истинного пути, поддерживает равенство в ученой республике, и не допускает самоуправства партий.

Присовокупим к сим различным выгодам образ и дух нашего правительства, споспешествующего всем трудам и стараниям ученых и литераторов, позволяющего свободно мыслить и говорить обо всех предметах, не выходя только из пределов благочестия и нравственности; — правительства, уделяющего важную часть доходов государственных на учреждение и содержание всякого рода училищ, и на поощрение дарований. Присовокупим, что Российское Духовенство, сохранившее, чрез бурные столетия внешних и внутренних войн, залог Веры и языка чист и невредим, трудами своими в науках и словесности много содействует успехам истинного просвещения и распространению здоровой Литературы. Почему ж, спросят после сего, почему ж Литература наша, при всех этих неоцененных выгодах, при способностях Россиян ко всем родам упражнений, при цветущей юношеской силе всего народа, не приносит еще тех плодов, которых свет в праве ожидает от ней? — Вопрос сей решен был в прошлогоднем собрании Императорской Публичной Библиотеки. Причины, замедляющие успехи Словесности нашей, суть: малое старание образовывать юношество истинною ученостью, и пагубное пристрастие к употреблению чужого, бедного языка. Когда большая часть сограждан наших уверится в истине сих наблюдений, когда почувствует необходимость посвящать лучшие годы юношества на образование его древними языками и примерами изящного, когда изгонит из обществ наших ненавистный вредными действиями своими язык французский: — тогда возникнет наша Литература, и, при необыкновенных способностях русского народа, при попечении мудрого правительства, сравнится с Литературами истинно просвещенных народов.

История нынешней Русской Литературы начинается в первой половине XVIII столетия. Петр Великий мог, волшебным жезлом своего гения, заводить армии и флоты, побуждать неприятелей, учреждать суды и училища, но не мог произвести писателей и стихотворцев. Он слышал в царствование свое поучения Стефана и Гавриила, восхищался красноречием Феофана, пользовался трудами Димитрия, но сии мужи получили образование в царствование его родителя. По смерти великого Монарха, семена, им посеянные, не могли принести

скорых плодов. Кантемир получил воспитание иностранное, и, по произведениям своим, принадлежит к XVII веку. Со времени кончины Петра до вступления на престол дочери его, при Дворе нашем и в академии имели первое место иностранцы или русские, воспитанные в чужих краях, и не постигавшие способностей русского народа. В царствование Елисаветы вдруг возникла Русская Словесность, оживленная лучом отечественного солнца. Явился Ломоносов, восхитил слух и сердца соотечественников громкою поэзией, изумил их первыми и еще доньше единственными образцами русского светского красноречия, определил механические законы языка грамматикою, и произвел многих соревнвателей и подражателей. В то же время родился отечественный Театр. Сумароков написал первые правильные трагедии. Незабвенный русский меценат, Шувалов, ободряя таланты и снискивая им покровительство Двора, тогда же положил начало последовавшим успехам нашей Словесности основанием Московского Университета. При сем волнении умов, при сих быстрых успехах нашей Словесности, вступила на престол Екатерина. Подробное изложение хода Литературы нашей в ее благословенное царствование увлекло бы нас далеко от предположенной нами цели. Скажем только, что история сего периода имеет две эпохи. Первая есть продолжение эпохи прежнего царствования, но в большем виде, с лучшими и быстрейшими успехами. В сию эпоху появились Петров, Херасков, Державин, Хемницер, Фонвизин, Богданович, Капнист, Княжнин, Костров, Майков. Стихотворения того времени будут жить с русским языком. Вторая эпоха есть плод учреждения в царствование Елисаветы Московского Университета; и начинается в исходе предпоследнего десятилетия XVIII века. В это время образовались русская проза и механизм легких стихотворений. Карамзин, Дмитриев, Нелединский-Мелецкий, Муравьев показали в прозе и стихах, что русский язык способен не только к громкой поэзии и к ораторским речам, но и к сочинениям в слоге простом, разговорном и нежном. Они доказали, что если для высокого и важного слога надлежит заимствовать выражения и обороты богослужебного языка, то для слога простого, ясного, необходимо должно наблюдать язык народный, и подчинять ход его правилам логики, управляющей словосочинением новейших языков.

Последнее десятилетие XVIII века ознаменовано было революциею, приведшею в ужас и уныние всю Европу, а с нею и любезное наше отечество. Настал XIX век, и Александр, с зарею мира, вступил на Всероссийский Престол. Науки, художества, словесность воспрянули под благотворным его влиянием; возникли новые университеты, академии и училища. Необыкновенное и дотоле невиданное в России стремление к познаниям и усовершенению овладело всеми умами. На поприще Словесности явились отличные мужи. Начали издаваться литературные и политические журналы. Русский Театр, осиротевший по смерти Фонвизина и Княжнина, обогатился новыми произведениями, в числе которых трагедии Озерова преимущественно содействовали успехам драматической поэзии. В сие же время, с появлением произведений, отличающихся прелестью стихосложения и цветущей поэзии, публика приняла участие в Словесности. Вельможи-патриоты поставляли славою поощрять ласками и ободрениями всех

занимающихся изящною словесностью, науками и художествами, и Литература отечественная сделалась одним из важнейших предметов занятия светских обществ. — Вообще, в течение первых пяти лет XIX века, вышло более сочинений нежели прежде того в течение десяти лет, но в конце 1805 года вновь поднялись мрачные облака на горизонте Европы. В 1806 и в первой половине 1807 года внимание всех устремлено было на брань со врагом общего спокойствия. Война прекратилась, но мир не восстанавливался. В течение пяти лет грозные тучи носились над нашими главами. Народ понимал чувства и мысли своего Монарха, готовившегося отвести бурю, когда она разразится. С 1808 по 1812 год господствовало в нашей Литературе какое-то недоумение. Казалось, что писатели наши отлагали занятия свои до другого времени. Тем большей чести заслуживали тогда старания об успехах Литературы. Почтенные любители и покровители Словесности, в С. Петербурге, учредили, для сближения отечественной Литературы с публикою, Беседу Любителей Русского Слова, а в Москве составились Общества наук исторических и словесных. Хвала патриотам, которые и в беспокойные, грозные времена не теряли из виду священной цели всякого гражданина — пещись об успехах просвещения! — Между тем, тучи подходили ближе и ближе; наконец, в половине 1812 года, грянул скрывававшийся в них гром — и Литература наша сначала остановилась совершенно, а потом обратилась к одной цели, споспешествованию отечественной войне. В продолжение второй половины 1812 и первой 1813 годов не только не вышло в свет, но и не написано ни одной страницы, которая не имела бы предметом тогдашних происшествий. Это единодушие приносит великую честь нашим литераторам, и доказывает, что они службу в ученой республике подчиняют должностям своим к отечеству. В сем случае видно было действительно, что Литература есть изъявление мыслей народа. В последней половине 1813 года все помышления и чувствования наших соотечественников также обращены были на поприще войны и славы, но уже начали появляться произведения словесности, не относившиеся прямо к современным происшествиям. Наконец, в 1814 году, увенчавшем все напряжения и труды истекших лет, Русская Литература, посвящая поэзию и красноречие в честь и славу великого Монарха своего, обратилась снова на путь мирный, уравненный, огражденный навсегда. В течение сего года вышли многие сочинения и переводы, которые останутся назабвенными в летописях нашей Литературы. Они показывают, что отныне, по утверждению политической независимости и безопасности государства, словесность, науки и художества устремятся беспрепятственно к совершенству. Подробное исчисление произведений литературных по разным отделениям библиографической системы, докажет истину сих наблюдений. При сем должно заметить, что, сверх Русской Литературы, есть в России часть Литературы Немецкой, Французской, Польской и Шведской. В каждом отделении упоминаемо будет, после отличных чем либо русских книг, о сочинениях на прочих европейских языках, которые у нас напечатаны.

1. Богословие.

По части догматического учебного Богословия должно заметить: «Обозрение Богословских Наук, для преподавания в высших духовных училищах, напечатанное по определению Комиссии Духовных Училищ». Сие обозрение есть плод трудов деятельных членов С. Петербургской Духовной Академии, которая в истекшем году, учреждением степени докторов Православного Богословия, и возведением на сию степень мужей отличного благочестия и учености, проложила новый путь распространению священных истин Веры в любезном отечестве.

В герменевтическом разряде отличается: «Обозрение книги псалмов, сочиненное Гер. Павским, студентом С. П. б. Духовной Академии». Это сочинение, сколько приносит чести молодому автору, столько свидетельствует, с каким успехом почтенные наставники сего высшего училища пекутся о образовании науками вверенного им юношества.

По части проповедного Богословия изданы в сем году многие слова и речи знаменитейших пастырей и служителей Церкви, преосвященных митрополита Амвросия, епископов Августина, Евгения, Амвросия, архимандритов Филарета, Иннокентия, Феофана, обер-священника Державина, и многих других. Почти все сии Слова имеют целью принесение благодарности Творцу за прославление Русской Земли и Русского Государя, за прекращение брани, и восстановление славного мира — как в 1812 и 1813 годах предметом пастырских поучений было возбуждение надежды на торжество правого дела, теплой веры в помощь Всевышнего и любви к Помазаннику его на земли. Не угас в России дух Гермогенов и Авраамиев! Он оживляет и будет оживлять пастырей Православной Церкви. Пусть в других странах возбуждают народ к трудным подвигам в театрах, напоминая ему о предписаниях тщеславия. У нас подвигается народ к делам во храмах божиих, устами святителей, проповедников истинной Веры, подвигается не в воображении и уме, а в сердце и душе — не пустым призраком оскорбленной чести, а любовью к отечеству и Государю, верою в Бога, защитника правых. Которое из сих наставлений успешнее и вернее — доказал 1812 год.

На немецком языке напечатано несколько превосходных духовных Слов на современные происшествия, произнесенных в немецких областях России служителями Протестантской Церкви, ревностно и успешно содействовавшими в течение народной войны нашей в возбуждении любви и признательности жителей тех стран к преславному Российскому Престолу.

В нравоучительном Богословии должно заметить отличное сочинение: «Училище Благочестия или примеры христианских добродетелей, выбранные из Житий Святых священником Мансветовым».

2. Правоведение.

Теория Правоведения сделалась важным предметом упражнения наших соотечественников, по издании Высочайшего Указа об испытаниях гражданским чиновникам, не учившимся в российских университетах. С того времени

появилось у нас несколько учебных книг по сей части, написанных профессорами, которым поручено было публичное преподавание оной. В 1814 году вышло, между прочим, подробное, ясное и хорошо написанное сочинение под заглавием: «Опыт Российского частного Гражданского Права, соч. Вл. Вельяминова Зернова».

По отделению Политики, или общественного Права, лучшее сочинение было: «Рассуждение о системе конскрипции по правилам Государственного Хозяйства, с предварительными историческими исследованиями о рекрутских наборах у народов древних и средних веков. Сочинение Карла Шульца». Эта книга не потеряет цены своей от перемены обстоятельств, уничтожившей пагубную систему, в ней изложенную. Она есть плод основательного учения и собственных наблюдений автора.

Сверх того напечатано несколько отдельных сочинений и переводов о современной политике, о дворянстве, учрежденном Бонапартом, и тому подобных предметах. Исторические и политические статьи помещаемы были в разных журналах.

Об Экономии Политической, на русском языке, не напечатано ни одной книги.

3. Философия.

В умозрительной Философии изданы только учебные книги, переведенные с немецкого.

По части опытной Философии, сверх некоторых небольших сочинений и переводов, издана книга: «Essai sur l'intelligence humaine, par Effimovich». При сем случае неизлишним почитаю сказать нечто о сочинениях, издаваемых Русскими на иностранных языках. Если сочинения имеют предметом русскую историю, географию, язык или поэзию, то непременно должны быть написаны по-русски, ибо назначены для употребления в России и русскими. Когда же они относятся к предметам общим, как-то к философическим, математическим, естественным наукам, древней и всеобщей истории, то могут быть писаны на общепонятных древних или новых языках: ибо предлагаются на суждение ученым и не в одной России, но во всей Европе, во всем свете. Сочинения, важные, как для России, так и для прочих земель, должны быть издаваемы вдвойне, на русском и на каком-нибудь иностранном языке. Так Г. Крузенштерн издал описание своего Путешествия на русском и немецком, а Г. Лисянский на русском и английском языках. При сем можно заметить, что в России распродано едва ли двести экземпляров каждого из сих описаний первого путешествия Россиян вокруг Земного шара; между тем как в Германии вышли три издания путешествия Г. Крузенштерна, а в Лондон, несмотря на жестокою и несправедливую критику английских журналистов, продана в две недели половина экземпляров книги Г. Лисянского.

К разряду Философии принадлежат книги, которые могут назваться антиподами Философических: Астрологи, Сонники, Гадательные Книги и т. п. В 1814

году вышло только два таких сочинения, между тем как в прежние годы издавались они гораздо в большем числе. Издатель одного немецкого журнала, прочитав в Сыне Отечества известие об издании Древнего Астролога, или Оракула, в трех томах, заключил, что появление таких книг показывает, сколь велико у нас суеверие; но заключение его несправедливо. Наши простолюдины покупают эти книги не для действительных гаданий, а для забавы; притом же и сочинители подобных книг так неискусно прикрывают истинную цель свою мантией калабистики, что едва ли поверит их предсказаниям человек самый необразованный и суеверный.

4. История.

Эта часть у нас обильнее и важнее всех прочих.

a). Всемирная и Древняя История.

По Всемирной Истории изданы переводы хороших учебных книг для училищ Московского и С. Петербургского Учебных Округов.

Древняя История, на русском языке, обогащена переводом «Плутарховых Жизнеописаний Г.Дестуниса», напечатанным по Высочайшему повелению на счет Кабинета Его Императорского Величества. Г. Дестунис, посвятив несколько лет своей жизни на переложение бессмертного греческого биографа, издал года за четыре пред сим опыт своего перевода, который был рассмотрен в Вестнике Европы Г. Каченовским. Переводчик, при новом издании книги, воспользовался между прочим этою критикой, и доказал, что благоразумный писатель ни мало не оскорбляясь справедливыми замечаниями критики, пользуется ими и с признательностью им следует. Труды Г. Дестуниса достойны внимания и уважения в двух отношениях: во-первых, он доставил нам одно из важнейших сочинений о Древней Истории, а во-вторых обогатил русский язык хорошим переводом классического писателя, и тем в полной мере оправдал оказанное ему правительством при издании сей книги вспоможение.

b). Российская История.

Занимающиеся Историей разделяются на три класса: на анналистов, или летописцев, критиков и собственно так называемых историков. Первые описывают современные или дошедшие до них по преданию происшествия, и собирают памятники исторические и дипломатические. Другие приводят в порядок труды их, очищают книги и рукописи от ошибок и вставок, толкуют невразумительные места, дополняют недостатки, и тем облегчают труды историков, которые представляют летописи, очищенные и исправленные искусными и учеными критиками, в самом ясном, вразумительном и приятном для читателя виде. Россия изобилует временниками и другими историческими памятниками, имела и

имеет многих прилежных и остроумных критиков, но в собственных историках еще не может назваться богатою. Она ожидает с любопытством и надеждою исторического творения знаменитого нашего прозаика, который принял на себя трудное, но полезное, славное дело — написать Русскую Историю.

Важнейшее из напечатанных в России 1814 года исторических сочинений есть «История Медицины в России, Г. Рихтера», плод рачительных изысканий и многолетних трудов. Хотя предмет сей не может быть равно занимателен для всей публики, но сочинитель умел сделать его поучительным и приятным для читателей всякого состояния. Некоторые главы, например описание чумы, свирепствовавшей в XIV веке, и известной под названием Черной Смерти, написаны превосходно. Это сочинение издано на русском и немецком языках.

В сем же году вышло в свет «Собрание государственных российских грамот и договоров», изданное иждивением и стараниями графа Николая Петровича Румянцева, ревностного любителя отечественной Истории. Сверх того назначено Его Сиятельством более 30,000 рублей на издание древних российских летописей. Честь и слава знаменитым патриотам, которые употребляют избытки свои на дела, истинно полезные отечеству! Великодушные их пожертвования будут жить в потомстве.

Из учебных книг для Русской Истории издана: «Краткая Российская История Г. Строева». Эта книга заслуживает внимание и похвалу. На Французском языке напечатано: «Precis de l'histoire de Russie a l'usage de la jeunesse, par Mr. de Fonvent». Кажется впрочем, что русское юношество не имеет нужды в истории своего отечества, написанной на французском языке.

По биографической части должно заметить напечатанную в 1812, но вышедшую в свет в 1814 году достойную особого внимания книгу: «Деяния полководцев и министров Петра Великого. Сочинение Дмитрия Бантыша-Каменского».

с.) Современная История России и всей Европы.

Из многих сочинений и переводов по сей части отличаются преимущественно следующие пять книг: 1) «Записки о составлении и походе С.П.б. Ополчения, изданные Кап. Лейт. Бароном Штейнгелем». 2) «Краткое обозрение похода Российских войск против Французов в 1812 году». 3) «Император Всероссийский и Бонапарте, сочинение Г. Уварова», с Французским переводом. 4) «Darstellung des französisch-russischen Bertilungstrieges», соч. Г. Козегартена и 5) «Dernieres heures de Louis XVI par Edgécorth de Firmond», переведенная и на русский язык. — Прочие книги, по сему отделению, кроме некоторых переводов, не заслуживают внимания: они выписаны, и притом не весьма искусно, из ведомостей, журналов и реляций.

Г. Дестунис издал на новом греческом языке, в пользу обитателей Греции, описания великих современных происшествий.

К отделению Истории должно отнести редкое в своем роде сочинение: «Жизнь Артемия Араратского, уроженца селения Вагаришпад в Армении».

d.) География.

Землеописание России обогащается тщательным исполнением статьи Устава об училищах, которою поручено учителям губернским и уездным делать топографические наблюдения по предписанной форме, и доставлять оные Министерству Народного Просвещения. Некоторые из сих записок напечатаны. Чрез несколько лет все области неизмеримой Империи Российской будут описаны самым подробным и верным образом, и география России доведена будет до возможного совершенства.

5. Естественная История.

Ботаника Российская обогащена прекрасным и у нас доныне единственным творением: «Flora Caucasica». Латинский текст сочинен Г. Маршалом Биберштейном, а изображения растений нарисованы, выгравированы и раскрашены учителем рисования при Харьковском Университете, Г. Матесом. Верность, чистота и тонкость отделки поставляют сию флору на степень лучших изданий в этом роде, вышедших в Германии, Франции и Англии. Не нужно упоминать при сем, что правительство значительным вспоможением доставило издателям средства достигнуть с успехом предположенной ими цели. Частные люди у нас еще не могут отваживаться на подобные предприятия.

6. Медицина.

Императорская Медико-Хирургическая Академия издавала в сем году «Всеобщий Журнал Врачебной Науки», и сверх того напечатано несколько переводов медицинских книг и рассуждений о разных предметах медицины на русском, латинском и немецком языках.

7. Физика, Химия и Математика.

По первым из сих двух наук изданы некоторые учебные книги и рассуждения, а по части математики не вышло никаких сочинений и переводов кроме обыкновенных календарей, «Морского Месяцеслова» и «С. Петербургского Карманного Месяцеслова», издаваемого на Немецком языке Г. академиком Шубертом, с русским переводом Г. академика Севастьянова. В Германии и во Франции издается много таких карманных календарей или альманахов, но наш, С. Петербургский, бесспорно должен занять между ими первое место.

8. Экономия.

По части экономии издаваемы были на русском языке два журнала, а на немецком один. В С. Петербурге, Москве и Харькове изданы на русском, а в Ост-

Зейских провинциях на немецком языке разные экономические сочинения. — С. Петербургская Академия Наук продолжала издание «Технологического Журнала». Некоторые технологические сочинения изданы Министерством Внутренних Дел и Вольным Экономическим Обществом.

9. Словесныя Искусства.

а). Поэзия.

Лирическая поэзия в истекшем году посвящена была прославлению знаменитых подвигов Александра, победителя и миротворца. Сверх разных русских од и песней, из коих некоторые сочинены первыми нашими стихотворцами, вышли стихотворения на языках немецком, французском, латинском, и даже на греческом — «Гимн Немезиде», сочиненный Т.Грефе, профессором С. Петербургского Педагогического Института. — Мы сказали уже, что в числе лирических стихотворений 1814 года находятся произведения первых наших поэтов. О прочих публика должна судить снисходительно, и уважать восторг усердия и любви подданных при великих подвигах Государя. Никто, например, не станет требовать, чтоб народ, обрадованный приездом благотворителя, изъявлял свое веселие размеренными, правильными восклицаниями: чем они разнообразнее, чем непринужденнее, тем удачнее выражают восторг народный.

В роде эпическом не было произведений достойных внимания.

В драматическом роде, кроме одной трагедии в прозе, одной комедии и одной переведенной оперы (которые все не заслуживают большого внимания) не напечатано на Русском языке ничего. На немецком языке вышло в С. Петербурге драматическое стихотворение Г. Раупаха, под заглавием: «Timoleon der Befreuer», посвященное Его Императорскому Величеству, и заслужившее похвалу многих немецких литераторов в России.

Из описательных поэм напечатаны: перевод Делилевых «Садов», Г. Палицына, и «Сельский житель, Князя Шахматова». В роде дидактическом вышли: «Христос», стихотворение Гавриила Романовича Державина, «Ночь на размышления», князя Шахматова, и «Размышление о судьбе», князя И. И. Долгорукого. Басни и сказки Александра Измайлова и Басни нового стихотворца Александра Агафи напечатаны особо. Басни Крылова помещаемы были в журналах.

Если бедность некоторых разрядов сего библиографического обозрения возбуждает сожаление, то нельзя не порадоваться бедности других, например разряда романов. В 1814 году напечатано в Москве и Петербурге по одному переведенному с немецкого роману, и еще вышли две исторической повести. За двенадцать лет пред сим, один почтенный литератор, рассматривая успехи книжной торговли и любви к чтению в России, сказал: хорошо, что наша публика и романы читает — сказал в том смысле, что чтение есть занятие безвредное, и что начинающий чтением романов доходить потом до стихотворений, до истории, до философии. Кажется, что публика наша в самом деле наскучила чтением пустых сказок, и принимается за книги истинно полезные и поучительные.

b). Красноречие.

О духовном красноречии упомянуто нами выше, в статье Богословие.

Светское равномерно имело предметом прославление незабвенных подвигов великого Российского Монарха.

10. Языкознание.

Для научения русского языка напечатано несколько грамматик и руководств к словесности, которые (за исключением «Правил Словесности, Г. Толмачева», и третьего издания «Оснований Русской Словесности, Г. Никольского») мало способствуют успехам теории языка и литературы, и вообще изданы для преподавания по ним в некоторых учебных заведениях. Нельзя не пожелать, чтоб наши писатели прилежно занялись рассмотрением и изысканием правил Русской Грамматики, которая находится еще во младенчестве, и после бессмертного Ломоносова, имела весьма мало успехов.

Между тем, в 1814 году, важный филологический вопрос занимал наших литераторов: о переводе древних стихотворений размером подлинника, именно о переводе Гомеровых поэм эксаметрами. Сей ученый спор происходил в собраниях Беседы Любителей Русского Слова. — Русский язык в двух преимуществах подходит к древним: он имеет свободу в расположении слов, и способность подражать количественной поэзии. В превосходстве первого из сих свойств никто не спорит, хотя свобода сия непременно должна быть подчинена правилам в некоторых родах слога. Удивительно, что второе из сих отличительных качеств не принято всеми любителями и знатоками отечественной поэзии, хотя их впрочем нельзя укорить в излишнем пристрастии к новым языкам, у которых русская поэзия заимствовала ограниченные свои формы.

Приступаем к последнему отделению библиографической системы.

11. Полиграфия

Сверх 16 разных официальных и партикулярных газет, издававшихся в 1814 году на русском, немецком, французском, польском и шведском языках, выходили разные исторические, политические и литературные журналы, в С. Петербурге три на русском, и два на немецком языках, в Москве четыре на русском, а в Риге четыре же, но на немецком языке. — Один писатель сказал весьма удачно, что периодические издания в литературе то же, что каналы и дороги в торговле: они способствуют скорому сообщению между учеными и литераторами, доставляют публике сведения о новых произведениях, и вообще придают современной литературе живость и деятельность, особливо когда сим сообщениям дана надлежащая свобода. Сверх того нельзя не заметить, что наши журналы имеют свойство общее с характером народа — благотворительность. В доказательство сего довольно было бы назвать одно издание — Русский Инва-

лид. При неусыпных трудах издателя и благородном участии всей российской публики, собрано до четырехсот тысяч рублей в пользу страждущих защитников отечества, которым, сверх того, раздаются ежегодно и ежемесячно важные пособия. — С «Сына Отечества» С. Петербургская Губернская Гимназия получает ежегодно, на воспитание сирот военных чиновников, по три тысячи рублей. Посредством сего же журнала, «Вестника Европы» и «Русского Вестника» получают вспоможения благотворительных особ многие бедные люди, достойные лучшей участи. Рижский директор училищ, Г. Албанус, издает педагогический журнал на немецком языке, и сбор с него посвящает в пользу неимущих учеников рижских училищ.

В заключение сего обозрения повторим изложенное нами выше сего мнение о духе 1814 года в отношении к Русской Литературе. — Кровавопролитная и упорная брань за свободу и отечество, обратив на себя все внимание русского народа в 1812 и 1813 годах, остановила на время ход его Литературы, но в 1814 году, при благотворном влиянии славы и мира, науки, художества и словесность ожили с новою силою, и обещают принести отечеству со временем вожделенные плоды. — Сверх того нельзя не заметить, в каждом из библиографических отделений, что все полезные дела, все важные предприятия произведены старанием или при деятельной помощи правительства, которое, чувствуя всю цену истинного народного просвещения, в распространении его полагает свою славу. Остается пожелать, чтоб все сословия государственные, познав благие его намерения, твердо решились, единодушным участием в великом деле народного образования, споспешествовать великим и благотворным трудам мудрого своего Монарха.